

Вадим Егоров

ТЕСТЮШКА. . .

...Он вошел в аудиторию, и мы, первокурсники-желторотики, новая поросль МГПИ, замерли и затихли. И не потому, что он произвел такое уж неизгладимое впечатление – не высок, не атлет, не Аллен Делон, вполне наметившаяся залысина, солидный возраст (Господи, а ведь ему тогда только-только сорок стукнуло!), а потому что предмет манил. До этой лекции мы уже прослушали несколько – старославянский, история КПСС, диалектический материализм, короче, тоска смертная. А тут – психология! Это ведь что-то о душе, которой, согласно диамату, и нет вовсе.

Он разложил на столе бумаги (в которые за всю лекцию так и не взглянул), представился и... запел. Да-да, запел! В том смысле, что его повествование звучало как песня и слушать ее хотелось, как старик Державин слушал юного Пушкина – оттопырив ухо ладонью. Простота и отточенность формулировок, яркая метафоричность речи, умение, не заискивая, быть одним целым с аудиторией, шутка к месту, легкий сарказм. С этого дня он стал любимым преподавателем курса и предметом воздыханий если не половины моих сокурсниц, то трети – это точно.

Так он вошел в мою жизнь. Как оказалось – навсегда. Артур Владимирович Петровский. Для всех – доктор наук, профессор, зав. кафедрой, академик, президент. Для меня – человек, с которым прожил бок о бок почти полвека, которого любил и люблю безмерно, которого всегда называл и называю уменьшительно-ласкательно: тестюшка.

Путь к этому слову занял полтора года с того дня, когда ко мне, уже третьекурснику, в институте подошел Артур Владимирович и... Здесь надо прерваться и пояснить читателю, что еще в школе я баловался стихами, а с 10-го класса еще и песнями. В институте это баловство расцвело пышным цветом и на третьем курсе я уже выступал на одних подмостках с такими корифеями МГПИ, как Юрий Визбор, Юлий Ким, Ада Якушева, Юрий Ряшенцев. Короче, был этакой звездой местного разлива. Салаги-первокурсники, издав рукописный журнал собственных творений, предварили его четверостишием:

*Да, я не признанный поэт,
но верю я, что очень скоро
узрит меня Вадим Егоров
и, в гроб сходя, благословит.*

Вот тогда-то и подошел ко мне в институте Артур Владимирович и сказал примерно следующее: «Вадим, не могли бы Вы как-нибудь прийти ко мне домой и почитать моим близким свои стихи. В принципе они их читали, но мне хотелось бы, чтобы они услышали их в Вашем исполнении». Я откровенно опешил: откуда он вообще знает о моих поэтических потугах. Не скрою, было лестно. А если б я знал тогда, что эта просьба поступила мне

от человека с безупречным литературным вкусом, блестяще знающего русскую и советскую поэзию, а следовательно, абы кого не позвавшего бы в свой дом, я бы, наверное, лопнул от гордыни и тщеславия.

И вот в назначенный день и час я вхожу в дом у метро «Аэропорт», нажимаю кнопку звонка, дверь открывается (тогда в 66-м «кто там?» не спрашивали и в глазок не глядели) и... «Вы Вадим Егоров? А я дочка Артура Владимировича, Таня. Заходите. Папа звонил, он задерживается на полчаса». Далее по Булгакову: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в темном переулке, и поразила нас сразу обоих». Про обоих вряд ли, а вот меня – это точно. На ватных ногах, с пересошим горлом вошел я в квартиру, и на все попытки самой очаровательной девушки в мире поддержать с гостем светский разговор, отвечал тупыми «да-нет». Даже на откровенно комплиментарную фразу «Вадим, мы в семье просто упиваемся Вашими стихами» ответил откровенной дерзостью: «Вот уж не ожидал, что в моих стихах столько воды!»). Тут я, возможно, впал бы в окончательный ступор, но в это время из одной комнаты вышла красивая светловолосая женщина (моя будущая теща), из другой – в меру упитанный юноша (мой будущий шурин) и, наконец, открылась входная дверь и появился мой главный спасательный круг – глава семейства и мой будущий тесть Артур Владимирович Петровский. Был накрыт стол, я из состояния одеревенелости перешел в состояние эйфории, читал стихи, пел под фоно свои песни и только один понимал, что пропал окончательно и бесповоротно.

С этого дня начались волшебные полтора года ухаживания за Таней, обожания ее, обретения ответного чувства и почти ежедневного общения с Артуром Владимировичем, которого до этого видел в стенах института раз в месяц, держась на почтительном расстоянии. Закончилось все это совершенно фантастическим согласием Петровских на наш брак. Вдумайтесь сами – какая свадьба! Невесте 19 лет, жениху 20, оба студенты. Жених, правда, завидный: работает лаборантом в школе за нищенскую зарплату, этакий «миллионер из трущоб». А Артур Владимирович взял и благословил! Видимо, вспомнил, что встретил свою Вету тоже в 19 лет и был таким же «миллионером», как и я. В итоге подарил нам с Таней почти 40 лет супружества, а себе двух внуков и трех правнуков.

А еще – и это, возможно, самое важное для меня – преподнес мне десятилетия общения с собой, а значит, десятилетия непрерывной подзарядки от его мощного интеллекта и глубинной порядочности.

В разные годы судьба дарила мне встречи с людьми, безусловно отмеченными отсветом гениальности, – с Булатом Окуджавой, Эрнстом Неизвестным, Анатолием Зверевым, Роланом Быковым, Петром Фоменко... Разговаривая с ними, я всегда бессознательно, кожей чувствовал в них эту божью метку. Так же и с тестем – никогда не покидало ощущение сопричастности к личности, из ряда вон выходящей. Эрудиция – энциклопедическая. Работоспособность – нон-стоп. Рождение новых идей, психологических концепций и методик исследования – в режиме фонтанирования. Я всегда робел перед ним, чувствовал себя Иванушкой-дурачком.

Только однажды это чувство оставило меня на несколько минут – и то благодаря забавному эпизоду. В 1998 году Артур Владимирович купил двухкилограммовый всемирный библиографический энциклопедический словарь – в его библиотеке справочная литература занимала достойное место. Заглянул на букву «П», убедился, что он там присутствует (впрочем, мог бы этого не делать – его имя всегда присутствовало в подобных изданиях). Теща в шутку сказала: «Погляди, может, там уже и зять есть». Он в шутку ответил: «Все может быть, сейчас погляжу». А через минуту раздался вопль: «Вета, ты представляешь – обо мне семь строк, а о нем одиннадцать!». Посмеялись. Я-то понимал: если на мои одиннадцать высыпать все строки о тесте, написанные в разных энциклопедиях и справочниках «Кто есть кто?» – над моими одиннадцатью такой Монблан вырастет!

Под Новый 1977 год Артура Владимировича увезли на «скорой» с тяжелейшим желудочным кровотечением. Ситуация была критическая. В эти дни я посвятил ему стихотворение:

Новогодний тост

А. В. Петровскому

*Пока касаются подошвы
земли и теплится душа –
давайте жить! И жить подольше!
И этим воздухом дышать!
Давайте в лапе запотелой
перо сжимать и молоток,
и пиво пить, и дело делать,
и женицин брать под локоток!
Бежать от немощи и хвори,
кутить до самого утра
и запах новогодней хвои
вдыхать до самого нутра.
Нам будет Дед Мороз на вате
кивать румяной головой.
Он невзправдашний? Давайте
поверим в то, что он живой!
Таланты, бездари, растяпы –
пока вокруг зима сама,
давайте до утра хотя бы
сойдем с ума, сойдем с ума!
Бокалы осуши – и дрызни!
Безумствовать, мужать, дружить –
давайте жить! Давайте жить!
Все остальное – мелочь жизни!*

20 декабря 1977 г.

После этого Бог подарил тестю почти тридцать лет жизни. Может быть, я не зря написал эти стихи?

Его портрет стоит на книжной полке перед моим письменным столом. Каждое утро, садясь за него, я поднимаю глаза и мысленно говорю: «Доброе утро, тестюшка!»

А он не отвечает.

Уже восемь лет не отвечает...
